

2. Авторханов А. X съезд и осадное положение в партии // Новый мир. – 1990. – № 3; Андреев С.Ю. Наше прошлое, настоящее, будущее: структура власти и задачи общества // Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. Ред.-сост. Ф.М. Бородкин, Л.Я. Косалс, Р.В. Рывкина. – М. : Прогресс, 1989. – с. 481–588; Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс советского общества. М., 1991; Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992; Медведев Р. О Сталине и сталинизме // Знамя. – 1989. – № 1–4; Мохов В.П. Советская номенклатура как политический институт // <http://www.elis.pstu.ru/mokhov2.htm>.
3. Дементьев Б.П. Номенклатура советского общества: история и современность // www.elis.pstu.ru/dementev.htm
4. ГАКК, Ф. 26П, О. 8, Д. 198, Л. 217
5. Сизов Л.Г. Все остается людям. – Красноярск: ИПК «Платина», 2000. – Т. II. – с. 165.
6. Человек и его дело (очерки истории «Братскгэсстроя»). – В 2-х кн.: Кн.1. – М. : Энергоатомнадзор, 1994. – с. 296–297.
7. ГАНИИО, Ф. 127, О. 97, Д. 71, Л. 77.
8. ГАНИИО, Ф.127, О.109, Д.172, Л.1–4.

ИМПЕРСТВО В СИБИРИ

Л.М. Дамешек

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «БОЛЬШОЙ РУССКОЙ НАЦИИ» В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

*Лев Михайлович Дамешек, д. и. н.,
профессор, ректор ИПКРО*

Рубеж XIX–XX вв. занимает важное место в истории императорской России. Это был период, когда в русской общественной мысли активно утверждалось мнение о необходимости национального единства окраин империи и ее исторического ядра. Множественные взгляды и теории, со-

державные призывы к укреплению «империи русских», в конечном итоге трансформировались в идею создания национальной империи. На практике это выразилось в укреплении административных и правовых связей центра и окраин государства, протекционистской политики властей в отношении заселения окраин империи русскими, других направлений внутренней политики самодержавного государства. Для огромного количества мигрантов приспособление к новым условиям означало адаптацию по типу интеграции. Русский крестьянин-землепашец был призван не только научить сибирского инородца строить дома, пахать, косить, но и духовно сплотить империю, молиться, говорить и даже думать по-русски. В конечном итоге российский имперский проект на практике должен был обеспечить поглощение имперским ядром национальных окраин государства, в том числе и Сибири. В период назревания международных конфликтов в Азии и Европе невозможно отрицать безусловную значимость этих преобразований. Однако в условиях многонационального государства, когда в составе империи насчитывалось около 200 больших и малых народов, а на долю «титულიной нации» приходилось 44,6% населения, идея реализации проекта создания «большой русской нации» усиливала национальные противоречия, а в конечном итоге, недовольство правительственной политикой. Объективно-прогрессивная идея унификации империи в административном, правовом и социокультурном смыслах на практике приводила к усилению национального движения на окраинах и усилению антирусских настроений не только образованных элит, но и широких масс населения, типичным примером чему является национальное движение бурят в начале XX вв. Отказ от политики имперского регионализма, прослеживающийся на протяжении конца XIX–начала XX вв., стал, как представляется, одной из причин крушения и самой империи в феврале 1917 г.

Автору настоящей статьи уже приходилось высказывать свой взгляд на политику империи в отношении сибирских инородцев¹. Однако в упомянутую монографию не вошли сюжеты, являющиеся важной составляющей этой стратегии – вопросы о распространении православия среди народов Сибири. Данная публикация имеет целью восполнить этот пробел. В качестве источникового материала для ее написания послужили, в основном, делопроизводственные материалы, хранящиеся в различных фондах Петербургских, Московских и сибирских архивных хранилищ, нормативные документы империи, периодическая печать и др. Поскольку предпосылка любой человеческой деятельности – это существование живых человеческих индивидов, постольку в самых общих чертах охарактеризуем состояние численности аборигенов Сибири в рассматриваемый период, т. е. в конце XIX – начале XX вв.

Среди аборигенов наиболее многочисленной народностью были буряты. По переписи 1897 г. их насчитывалось 288,6 тыс., или более 35% всей

численности коренного населения. За бурятами по численности следовали якуты – 226,7 тыс. (27,55%), далее алтае-саянские народы (алтайцы, хакасы) – 108,7 тыс. (13,21%), эвенки – 64,5 тыс. (7,84%), сибирские татары 53 тыс. (6,44%), ханты и манси – 27,7 тыс., ненцы – 9,4 тыс. и др. Некоторые малые народности, например, тофолары, проживающие на границе Нижнеудинского и Иркутского округов, не превышали по численности 400 человек. Всего же за 250 лет, прошедших со времени присоединения Сибири к России и до начала XX в., численность бурят возросла примерно в 10,6 раза; якутов – 7,9; алтае-саянских народов – 6,5; татар – 3,1; хантов и манси – в 1,5 раза. Приведенные цифры, разумеется, не означают, что у всех народностей Сибири прослеживается тенденция к увеличению численности. Так, например, за этот же период численность юкагиров, ительменов, энцев не возросла, а, наоборот, уменьшилась. Однако отнюдь не каждый факт сокращения численности аборигенов следует рассматривать под углом их вымирания. Известную роль в подобных случаях играли процессы миграции и ассимиляции, особенно усилившиеся по мере притока в Сибирь русского населения. Эти наблюдения подтверждаются свидетельствами современников и значительным распространением среди аборигенов русского языка и языка соседних, более крупных народностей. По материалам Первой всероссийской переписи населения 1897 г. количество «инородцев», признавших своим родным языком русский по отношению ко всем коренным жителям данной губернии или области выглядит следующим образом: Тобольская – 3,4%; Томская – 22%; Енисейская – 10,6%; Иркутская – 12,2%; Забайкальская – 13,3%; Якутская – 0,1%². На это же указывают многочисленные свидетельства миссионеров. Конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских «инородцев» была неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди «инородцев». Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики интеграции. В то же время это был и важный социокультурный процесс. Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Это было еще одно отличие колонизационной политики России по отношению к окраинам государства от колониальных империй Запада.

На протяжении всего XIX в. наблюдается дальнейшее упрочнение материального положения православной церкви в регионе. Наступательное движение православной церкви сопровождалось многочисленными организационными перестройками в церковном управлении, ростом числа церквей и епархий. Если в 1840 г. в Сибири было 5 епархий, то к началу XX в. число их возросло до 11. В расчете на тысячу прихожан больше всего

церквей было в Иркутской епархии, далее следовали Енисейская, Томская, Тобольская, Якутская епархии.

Распространение православия правительство рассматривало как важную составную часть общегосударственной политики по обрусению нерусских народов окраин государства, «приравниванию» их к основному крестьянскому населению империи. Архивные материалы и воспоминания современников событий свидетельствуют, что для большинства крещеных сибирских «инородцев» следующим шагом был переход к оседлости и занятию земледелием. Неслучайно во многих местах возникали целые деревни оседлых крещеных «инородцев», мало или ничем не отличающиеся от крестьянских сел. Однако вплоть до середины XIX в. содействие распространению православия со стороны правительства ограничивалось, как правило, предоставлением вновь крещеным «инородцам» льгот по платежу ясака. Во второй половине столетия государственная политика по распространению православия стала более гибкой и разнообразной.

В этом смысле важным этапом по распространению православия среди окраинных «инородцев» стало учреждение в 1870 г. в Москве Всероссийского православного миссионерского общества, отделения которого были созданы во всех сибирских епархиях. При афишируемом покровительстве со стороны высших светских и духовных властей наблюдается быстрый рост числа членов и денежных средств общества. К началу 90-х гг. в его рядах состояло около 10 тыс. членов, денежные средства исчислялись в 1300000 руб. Это позволяло обществу координировать деятельность православных миссий, оказывать им значительную материальную поддержку. Хотя общество оказывало материальную помощь всем православным миссиям империи, тем не менее, 50% денежных ресурсов общества шло на содержание сибирских миссий. В начале XX в. на территории Сибири постоянно действовало восемь православных миссий. Немногочисленными были северные Березовская и Туруханская миссии. Такие миссии, как Алтайская, Иркутская, Забайкальская, наоборот, активизируют свою деятельность, растет их численность, упрочивается материальное положение.

Особенностью распространения православия во второй половине XIX в. стало введение практики богослужения на языках народов Сибири. В 1867 г. в Казани было основано «Братство святого Гурия», имевшее целью перевод и издание на «инородческих» языках религиозных книг и агитационных брошюр, чему власти придавали большое значение. За годы своего существования братство и созданная при нем комиссия переводчиков во главе с Н.И. Ильминским опубликовали десятки религиозных воззваний.

Этим же целям служили многочисленные попытки вербовки миссионеров из лиц местной национальности, обучение миссионеров языкам народов Сибири. В 1907 г. Синод официально разрешил проводить богослужение на «инородческих» языках. С целью активизации проповеди пра-

вославия в Сибири получает распространение такая форма деятельности, как организация миссионерских станов – опорных пунктов православия, максимально приближенных к местам проживания аборигенов. Священники миссионерских станов освобождались от приходских обязанностей. К началу XX в. число миссионерских станов и служителей в них возросло более чем в два раза. Наиболее быстрый рост отмечался в Забайкальской епархии, что являлось следствием особой агрессивности православных иерархов по отношению к ламаизму.

Совместное наступательное движение православной церкви и государства против традиционных верований народов Сибири проявилось в миссионерских съездах этого периода, в работе которых, как правило, принимали совместное участие высшие губернские власти и иерархи. Характерно, что на съездах рассматривались не только чисто религиозные, но и общеполитические вопросы, связанные с проведением реформы землеустройства, управления, привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности, введения у них паспортного режима и другими аспектами политики империи в отношении аборигенов.

В пореформенный период русская православная церковь выступила как крупнейшая консервативная сила. Союз церкви и самодержавия носил политический характер. Этим определялась и политика имперского государства по отношению к православной церкви, которая проводила наступательный, а подчас и агрессивный курс в отношении нерусских народов. В XIX в., как и в XVIII столетии, были нередки случаи насильственного крещения. Это приводило к тому, что большая часть крещеных аборигенов Сибири формально относилась к православию, сохранялось двоеверие. Неприятие народами Сибири догматов православия ярко проявилось в массовом отходе от новой религии в годы первой русской революции, что объективно являлось выражением социального протеста нерусских народностей против имперской политики, стремлением сохранить традиционные религиозные верования. Тем не менее, политика христианизации местных народов как важнейшее средство их обрусения по-прежнему оставалось в центре внимания государства. В результате к началу XX в. большинство коренного населения губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Якутской области было «просвещено святым крещением», в Иркутской губернии насчитывалось 60 тыс. бурят-христиан, примерно 30 тыс. бурят исповедовали шаманизм и столько же буддизм. На методы и формы распространения православия определенное влияние оказывали экономические процессы. Это предопределило переход от феодально-крепостнических методов христианизации к буржуазным. На основе сопоставления церковной политики империи в Сибири с многонациональными районами Поволжья, Приуралья и другими можно прийти к выводу об идентичности основных устоев этой политики. В то же время в ряде случаев государственная политика

в церковных вопросах учитывала и некоторые местные особенности, что свидетельствовало о способности самодержавного государства к лавированию, стремлении найти оптимальные, с точки зрения имперских интересов, способы решения возникающих вопросов³.

Примечания

1. Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – нач. XX в. – Иркутск. 2007.
2. Цифровые показатели рассчитаны по материалам: Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). – М., 1973, с. 256.; Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав, язык и роды инородцев. – СПб., 1912. – с. 3.; Азиатская Россия. – Т.1. – СПб., 1914, с. 86.
3. О конфессиональной политике подробнее см.: Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX начало XX века. – Иркутск, 1986. – с. 138–163.

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ

Л.С. Алехина

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 80-х – НАЧАЛЕ 90-х гг. XX ВЕКА

Л.С. Алехина, аспирант ИГПУ

Государственная политика в СССР в сфере высшего образования исходила из политических и стратегических целей советского общества. В связи со стратегическим курсом на ускорение научно-технического про-